

Религиозный экстремизм на постсоветском пространстве по-прежнему сохраняет свою актуальность. Наиболее выражен он своими деструктивными последствиями со стороны представителей, позиционирующих себя с Исламом. Это явление достаточно распространено как в России (и не только в регионах со значительной долей мусульманских этносов), так и в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. В связи с последними событиями на Украине, еще одной горячей точкой на карте России в этом отношении стал присоединенный Крым с его политически активным крымско-татарским меньшинством. В перспективе в связи с предстоящим выводом американских военных из Афганистана прогнозируется рост этого явления в Центрально-Азиатском регионе и на всем постсоветском пространстве в целом.

Россия самостоятельно и совместно с другими странами, прежде всего государствами-участниками СНГ, предпринимает усилия по противодействию религиозному экстремизму в рамках ОДКБ и ШОС. Организован конструктивный обмен опытом и информацией, проводятся масштабные антитеррористические учения.

Однако ввиду использования западными государствами этой проблемы для достижения своих геополитических целей, а также ее неоднозначности, сложности и "запущенности" логически напрашивается вывод о недостаточности одних лишь "силовых" мер. Необходимо эффективное идеологическое противодействие. И в этом плане представляется целесообразным сделать ставку на миролюбивый потенциал, заложенный в самом исламском вероучении, который в действительности существует, достаточно силен и основан на Коране и Сунне. При этом возникает необходимость обратиться к такому достаточно укоренившемуся в обществе, и не только российском, понятию как традиционный Ислам, которое стало ассоциироваться в сознании людей в качестве основной альтернативы религиозному экстремизму на постсоветском пространстве.

Президент РФ Владимир Путин в октябре прошлого года провел в Уфе встречу с российскими муфтиями, которая была приурочена к празднованию 225-летия

учреждения Екатериной II духовного собрания магометанского закона, что означало тогда официальное признание Ислама традиционной религией России. Путин отметил, что сторонники экстремистских идей стремятся к подрыву позиций традиционного Ислама в нашей стране, к подрыву единства российского общества и развалу в конечном итоге России. При этом глава государства призвал активнее заниматься формированием положительного образа традиционного Ислама. Однако в само понятие "«традиционный Ислам»" каждый вкладывает свой собственный смысл. Первый заместитель муфтия Республики Татарстан Рустам Батров в одной из своих статей сделал блестящий, на мой взгляд, терминологический экскурс в историю вопроса.

Считается, что в мусульманской религиозной среде впервые термин "традиционный ислам" был предложен муфтием Талгатом Таджутдином в начале 1990-х годов и явился "отражением реальных общественных процессов и настроений".

"Сами мусульмане во многих публикациях объясняют рождение термина тем, что с падением железного занавеса и открытием шлюзов для идеологической экспансии зарубежных эмиссаров возникла необходимость отгородить истинный Ислам, веками хранимый на нашей земле, от его сектанских трактовок, неожиданно хлынувших в российские реалии, прежде всего от политизированных форм "Ислама...".

"Истинным Исламом во всем мире принято считать ортодоксию суннитского большинства. В аутентичной мусульманской литературе данная ортодоксия обозначается как "ахлю ас-сунна ва аль-джамаа", что для большинства постсоветских россиян звучит как непроговариваемая абракадабра. Это стало второй причиной рождения нового термина. Российскому обществу нужно было предложить нечто удобоваримое, понятное, чем можно было бы оперировать в рамках возникшей дискуссии с импортированными трактовками Ислама". Другими словами, "традиционный Ислам" – это вынужденный термин, ориентированный, прежде всего, на аудиторию постсоветских государств.

"Данное словосочетание в какой-то момент пустилось в свободное плавание и стало осмысляться уже без оглядки на свое изначальное антисектанское значение. Его стали воспринимать не как условный аналог того самого непроговариваемого "ахлю ас-сунна ва аль-джамаа", а как полностью самостоятельный термин, семантика которого определяется его составляющими. Постепенно весь фокус внимания в словосочетании "традиционный Ислам" сместился с понятия "Ислам" на понятие "традиционный". Именно здесь и разворачиваются ныне основные интеллектуальные баталии. Теперь участники дискуссии ломают голову над тем, какая же традиция имеется ввиду, что является

критерием традиционности, оправдано ли деление религии на традиционную и нетрадиционную и так далее.

В результате этой возникшей фактически на пустом месте дискуссии на свет родилось несколько интерпретаций традиционного Ислама. Неологизм, который был призван облегчить понимание исламских реалий, стал, напротив, только лишь запутывать.

Семантический анализ текстов касательно данной проблематики показывает, что "традиционный Ислам" используется в четырех основных значениях. Отчасти эти значения пересекаются между собой, словно сферы накладываются друг на друга и, в принципе, при желании их можно рассматривать как грани или пазлы одного общего явления. Однако сами участники дискуссии, порой, не склонны так считать.

Первое понимание традиционного Ислама можно обозначить как российский Ислам, или Ислам со спецификой той или иной постсоветской страны. Часто в таком смысле словосочетание употребляют государственные и общественные деятели. Им прежде всего важно, чтобы мусульмане поддерживали государственность своей родины и жили в мире и согласии с представителями других конфессий. Именно это они и понимают под традиционным Исламом.

"Второе понимание традиционного Ислама можно обозначить как народный Ислам. Как правило, о нем говорят номинальные, этнические мусульмане, в жизни которых Ислам – не более, чем воспоминание о своей верующей бабушке. Другими словами, речь идет не о доктринальном Исламе, не о том, как должно быть согласно канонам, а о реальной религиозной практике мусульман, остатки которой уцелели, отчасти деформировавшись, после эпохи воинствующего атеизма. Народный Ислам является предметом живейшего интереса этнографов и объектом яростных нападок противников традиционного Ислама, прежде всего сторонников политизированного Ислама, почему-то пренебрежительно именующих его "бабайским", будто в этом слове есть нечто негативное.

В третьем понимании традиционный "Ислам – это национальный (например, татарский) Ислам. Он рассматривается как достояние нации, которое, с одной стороны, является частью исторического наследия конкретного народа, с другой, залогом его выживания. При этом, например, татарские националисты по-разному расставляют акценты в "татарском" Исламе. Для одних (прежде всего светских) – это джадидизм, т.е.

модернизация, для других (прежде всего религиозных) – это кадимизм, т.е. консервативность.

И, наконец, четвертое понимание традиционного Ислама – то, которого придерживаются сами практикующие мусульмане. Это ортодоксальный суннитский Ислам, каким он был испокон веков во всем мусульманском мире. Другими словами, это Ислам, представленный тремя религиозными науками, восходящими к самому Пророку: каноническим правом, догматическим вероучением и духовной этикой. В них и заключен смысл и суть исламской ортодоксии, той самой "ахлю ас-сунна ва аль-джамаа".

Здесь уместно отметить, что сторонников политизированного Ислама, которые являются главными противниками традиционного Ислама, считают сектантами именно потому, что они стремятся изничтожить эту самую ортодоксальность Ислама. Во-первых, они не признают канонических школ (мазхабов) в исламском праве, хотя по конъюнктурным соображениям, т.е. в целях маскировки, и могут внешне придерживаться того или иного, например ханафитского толка. Во-вторых, они категорически отрицают догматические школы Ислама, во всей полноте раскрывающие послание Корана и учение Пророка, в том числе и матуридитскую, которую отличает особая веротерпимость и которую всегда исповедовали многие народы, в т. ч. и татары. И, наконец, в-третьих, они ведут ожесточенную войну с духовной этикой Ислама, традиционно представленной суфизмом. Итак, политизированный Ислам – это не чистый Ислам, как любят говорить о нем его последователи, а секта в чистом виде, хотя подобная терминология и не всем по душе".

"Смысловая чехарда вокруг традиционного Ислама порождает столько путаницы, что любая дискуссия на эту тему становится бессмысленной. Эта семантическая неразбериха зеркально напоминает ту, что описал Великий Дж. Руми в своей знаменитой притче о винограде, где представители разных народов не могли договориться об этой ягоде, поскольку не понимали друг друга, ибо каждый называл ее на своем наречии. В нашем же случае мы имеем одно название, которое распадается на целый веер вложенных в него значений. Но результат тот же – договориться невозможно".

Вышеприведенный терминологический экскурс Рустама Батрова позволяет лучше разбираться в общественно-религиозных реалиях на нашем постсоветском пространстве и сформулировать коннотации альтернатив религиозному экстремизму в рамках понятия "традиционный Ислам". От незнания предмета возникает много спекуляций. "Самое печальное их следствие заключается в том, что таким образом дискредитируется само

понятие традиционного Ислама, т.е. Ислама истинного, пророческого. А ведь только такой Ислам и может объединить всех мусульман и подарить нашему обществу мир и согласие, в чем нуждается каждый из нас".

Итак, постепенно приобретающими достаточную устойчивость (по крайней мере в экспертном сообществе) в качестве альтернатив религиозному экстремизму на постсоветском пространстве в рамках традиционного Ислама стали такие понятия как ханафитский мазхаб, мутаридитская акида и тасаввуф (суфизм). При этом в качестве альтернативы религиозному экстремизму ханафитский мазхаб экспертами в основном артикулируется в отношении татар и коренных этносов Центральной Азии и Казахстана. На мой взгляд, его выделение в качестве единственной "мазхабической" альтернативы религиозному экстремизму имеет не только положительные моменты. Так в России, по крайней мере помимо ханафитского мазхаба, достаточно распространен среди северокавказских этносов шафиитский мазхаб. Кроме того, сторонники "чистого Ислама" в дискуссиях с традиционалистами не без оснований указывают на афганских талибов, имеющих устойчивое реноме "исламских радикалов" и которые в большинстве своем также ханафиты.

Тасаввуф (суфизм) в последнее время все больше и больше рассматривается экспертами в качестве альтернативы религиозному экстремизму. При этом в отличие от понятия "ханафитский мазхаб", на мой взгляд, у него больше перспектив приобрести более широкую "антиэкстремистскую" коннотацию. Это связано прежде всего с тем, что тасаввуф широко распространен во всем исламском мире и признается представителями всех без исключения мусульманских канонических школ (мазхабов). Впервые использовать позитивный потенциал тасаввуфа в целях противодействия религиозному экстремизму было предложено несколько лет назад Институтом стран СНГ на научно-практическом семинаре. Данный посыл был в целом положительно оценен экспертным сообществом как в России так и в других государствах постсоветского пространства.

Рассмотрение понятий, которые приобрели в последнее время определенный смысл как альтернативы религиозному экстремизму было бы не полным без "васатыйи" – пути между крайностями или "умеренности в Исламе", как одном из краеугольных принципов, заложенном в Священном Писании мусульман Коране. Впервые девиз "Умеренность (васатя) – жизненный путь", обращенный к широким слоям мировой общественности и прежде всего к мусульманам, был широко озвучен в начале нулевых в Кувейте. Так, подготовленное и издаваемое Кувейтским Министерством вакфов и религиозных отношений полное собрание сочинений "Энциклопедия фикха" в 46 объемных томах отражает именно идеи "васатыйи".

Аналогичная картина и в издаваемом Советом по шариатским фетвам министерства сборнике фетв, превышающем 18 томов. Одним из активных поборников этого направления на постсоветском пространстве является известный ученый-богослов из Узбекистана шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. В своем труде "Васатыя – путь жизни" он аргументированно обосновывает значимость этого основанного на конкретных аятах Священного Корана принципа в жизни мусульман как панацеи от многих крайностей, в том числе и таких как политический экстремизм и его крайняя форма – терроризм.

Проведение международных конференций по данной тематике как в России так и за рубежом, а также деятельность таких структур как Международный и Российский научно-просветительский центры "Аль-Васатыя – Умеренность" постепенно в сознании большей части экспертного сообщества, а также простых верующих сформировали устойчивую ассоциацию этого термина с альтернативой религиозному экстремизму.

Очевидно, что правильное понимание традиционного Ислама широкими слоями общества на постсоветском пространстве и использование связанных с ним понятий "мазхаб", "акида", "тасаввуф" ("суфизм"), "васатыя" позволит скорректировать в сторону большей эффективности используемые меры идеологического противодействия религиозному экстремизму с широким задействованием возможностей органов государственной и исполнительной власти, официальных религиозных организаций, потенциала СМИ, научных и образовательных учреждений.

Ильдар Сафаргалеев,

заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ,

эксперт Центра Льва Гумилева